

УДК 1(091)

А. А. Львов

Санкт-Петербургский государственный университет

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОИСКИ В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ¹

Начиная с середины XX столетия, история философии оказалась в центре многочисленных жарких дискуссий как методологического, так и дисциплинарного характера. Исследователей интересовало прежде всего обоснование подходов к плодотворному историко-философскому исследованию, которое обеспечило бы получение нового знания. При этом в случае, если подобной исследовательской программы не могло бы быть представлено, историко-философские штудии следовало бы отдать на откуп узким специалистам в этой области. В предлагаемой статье освещаются наиболее заметные историко-философские проекты минувшего столетия, а также исследуются характерные методологические подходы к переосмыслению ремесла историка философии как философа, исследователя, ученого. Обсуждаются существенные историко-философские подходы – компаративистика, история идей, доксография, – актуализация которых позволила ведущим специалистам XX столетия переосмыслить ценность и значимость истории философии как самостоятельного исследовательского пространства.

История философии, методология, современная философия, доксография, историко-философский дискурс

Среди различных и многообразных вновь появившихся и традиционных философских дисциплин история философии, пожалуй, является наиболее парадоксальной. С одной стороны, она наиболее классическая, не позволяющая сомневаться в своем статусе отрасли философского знания, которая существует, по крайней мере, с IV в. до н. э., с другой же, оказывается такой исследовательской программой, амбиции которой стремительно сокращаются, начиная с середины XX столетия. Во многом дискуссии о статусе истории философии способствовала задача переосмысления ее трактовки Гегелем [1]; кроме того, определенное пренебрежительное отношение к историко-философскими штудиями (особенно в англо-американском мире) в двадцатом столетии сформировалось уже к 1950-м гг. Об этом свидетельствует австралийский исследователь Джон Пассмор: «Мои первые три книги <...> были написаны в то время, когда историей философии повсеместно пренебрегали» [2]. Ему вторит Р. Поупкин: «Существует странное отношение между философией в том виде, как ее изучают философы, и историей философии. Философию почти всегда изучают, о ней пишут, ее преподают с точки зрения того, что кто сказал от Фалеса до Витгенштейна и Хайдеггера. И все же существует мощная тенденция среди философов, особенно нашего столетия (курсив мой. – А. Л.), отвергать какое бы то ни было историческое исследование предмета изучения, отвергать какую бы то ни было историческую интерпретацию и исключать историков философии из числа тех, кто принимает участие в философском деле» [3, с. 625]. Проблемными оказываются объемы самих понятий, составивших ее название: насколько философично или же исторично получаемое в рамках этой дисциплины знание [4]–[7]?

¹ Работа выполнена при поддержке РНФ (проект № 17-18-01440 «Антропологическое измерение истории философии»).

Вовсе не случайно поэтому, что и в новейшей философской и околофилософской литературе, начиная с 1960-х гг. [8, с. 563] ведется горячая дискуссия о методах, характерных для историко-философского исследования, и о самом статусе этой дисциплины. В предлагаемой статье постараемся проследить актуальные подходы к пониманию существа историко-философского исследования, а также методологических приемов и установок, наиболее характерно проявляющихся в работах новейших исследователей. Для этого, оттолкнувшись от анализа различных вариантов создания историй философии, который предлагают в своих работах современные авторы, постараемся очертить основные жанры и формы возможных историко-философских проектов исследования. Далее обратимся к исследованию вопроса о возможности современного историко-философского исследования: имеет ли оно признаки классической дисциплинарности или его можно рассматривать как пример междисциплинарного знания. В заключение сформулируем выводы и обозначим собственное отношение к актуальной историко-философской дискуссии.

Можно подумать, что указанный парадокс заключается в самой истории дисциплины: по-видимому, происхождение истории философии нельзя установить однозначно. В самом деле, различные этические, гносеологические и логические теории и философско-религиозные учения обнаруживаются уже в классической античности (VI–IV вв. до н. э.), а появление эстетики, философской (или, по крайней мере, прагматической в кантовском смысле) антропологии, религиоведения и иных философских дисциплин можно проследить, по крайней мере, в эпоху нового времени (XVII–XVIII вв.). Например, известно, что онтология как привычная современному исследователю дисциплина – порождение позднего Ренессанса. Несмотря на то, что и у Платона можно найти *онтологические* по характеру аргументы, такой дисциплины, как онтология в классической античности не существовало, и впервые близкое к современному определению понятие «онтология» встречается лишь в лексиконе Рудольфа Гокленуса 1613 г. Подобных взглядов придерживался, например, Жан Бофре: «Мы действительно можем таким образом перевести наречие *καθόλου* (вообще, в целом), которое, согласно Аристотелю, употребляется и тогда, когда речь идет о намерениях, с которыми приступает к сущему, как оно есть, *еще анонимная наука, позже* (курсив мой. – А. Л.) получающая название онтологии <...>» [9, с. 217].

Что же касается истории философии, то единого мнения о том, когда она появляется среди исследователей, по-видимому, нет. Впрочем, первым «современным» (modern, собственно, новоевропейским) историком философии нередко называют немецкого священника Иоганна Якоба Брукера, поскольку именно он применил адекватную методологию в своей историко-философской работе [10]–[12]. Таким образом, появление академически признанной истории философии можно отнести к XVIII в., хотя известное многотомное исследование, посвященное «всеобщему развитию философской мысли во времени»¹, под редакцией Дж. Сантинелли начинается в эпоху Возрождения. Однако, судя по всему, как дисциплина она оформляется почти вынужденно и достаточно долго воспринимается именно как «галерея заблуждений» (Гегель), почти сугубое перечисление того, что тот или иной мыслитель в силу объективных исторических обстоятельств думал в передаче кого-то, кто занимает свою собственную временную позицию. Известно, что первую «наиболее раннюю, по определенному плану построенную, неразрывно связывающую изложение с критикой» [13, с. 428] ис-

¹ Предисловие *Models of the History of Philosophy* / ed. G. Piaia, G. Santinello. New York: Springer, 2011. 604 p.

торию философии создал Аристотель; но едва ли его можно считать первым мыслителем, который философствовал исторически, т. е. воспринимал своих предшественников как актуальных союзников или оппонентов [14, с. 539–540]. Достаточно вспомнить знаменитое высказывание Гераклита (VI в. до н. э.): «Многознание уму не научает, а не то научило бы Гесиода и Пифагора, равно как и Ксенофана с Гекатеем» (40 DK).

Еще классической рациональностью был сформулирован запрет на методологический синкретизм. В историко-философских исследованиях он особенно заметен в силу пресловутого *европейского логоцентризма*, идеи, сторонники которой по умолчанию признают философским только такое исследование, которое происходит в рамках интеллектуального пространства Западной Европы. Такое отношение к иным, помимо греческой традиции, формам рефлексии было сформулировано Гегелем [15, с. 160] и поддержано последователями немецкой философии XX столетия: «Именно у греков и только у них она [философия] таковой и была, чтобы остаться таковой для тех, кто еще пьет из греческого источника, но не для других. Не существует, скажет Хайдеггер, ни китайской, ни индийской философии. Не потому, что китайцы или индусы воздерживались от мышления. Но они не мыслили философским способом, то есть, отталкиваясь от греков» [9, с. 235–236]. Выходит, что индийская или китайская традиции (как древние, так и современные) не рассматриваются в курсе истории философии, а если и рассматриваются, то как примеры дофилософских форм рефлексии – поэтической или религиозной.

Тем не менее в первой половине XX в. ученик знаменитого Люсьена Леви-Брюля Поль Массон-Урсель дает интересный обзор различных подходов к изучению западноевропейских философских произведений и провозглашает необходимость сравнительного (компаративистского) метода в историко-философских исследованиях. Его тезис можно свести к следующему: чтобы из того или иного философского учения извлечь все заключенное в нем содержание, необходимо прожить его, быть готовым сопоставить это содержание с философскими достижениями совершенного иного вида. Так, П. Массон-Урсель был одним из первых, кто обратил пристальное внимание на философские учения Китая и Индии – вообще на восточный тип философствования. Он был убежден, что сравнительный метод поможет не только обогатить историографию, но и пролить свет на многие проблемы, лежащие в смежных областях различных, непохожих друг на друга культур. Так, исследования средневековых арабских текстов могут прояснить нам некоторые особенности мышления создателя «Божественной комедии» [16]. Таким образом, для французского исследователя очевидно, что «невозможно предложить удовлетворительного толкования какой бы то ни было системы, кроме как в связи со сравнительной историей человеческой мысли» [17]–[20]. Интересно, что с подобного рода собственно историко-философскими изысканиями (например, знакомящие читателей с учениями исламских философских школ, работы А. Корбена [21] или аятоллы Мухаммада Бакира ас-Садра [22], написанные в духе западноевропейской рационалистской традиции) развивались и исследования исторического или историографического характера в философской антропологии и философии религии. Судя по всему, в том числе и компаративистский подход способствовал также и возрождению интереса к давней ренессансной идее «вечной философии» (*philosophia perennis*) [23]–[26]. Возможно, это связано с пристальным вниманием оригинальных мыслителей и исследователей истории мысли второй половины XX столетия к тем чертам, которые свойственны в равной степени рациональным и духовным (или философским и религиозным) практикам: «Трансформативный принцип в философии с 1980-х гг. стал предметом философской компаративистики. <...> Принцип транс-

формативности, преобразовательности следует признать ведущим для развитых философских и религиозных систем» [27, с. 210].

В связи с этим уместно упомянуть, что более концептуально заряженные, нежели демонстрирующие подлинную вовлеченность в межкультурный диалог работы корифеев европейской метафизики (например, творческое переосмысление латинского перевода Упанишад А. Шопенгауэром, рецензии на Бхагавад-Гиту Г. В. Ф. Гегеля и Р. У. Эмерсона, восхищение исламом Т. Карлейля или внимание к японской культуре М. Хайдеггера) становятся предметом анализа исследователей-компаративистов, стремящихся обнаружить точки соприкосновения мысли Востока и Запада [28] и выявить тем самым универсальный характер философских поисков [29].

Важным аспектом современного пространства историко-философских поисков оказываются коллективные исследования организованных групп специалистов из одного или различных университетов. Так, в последние годы весьма активно проводятся семинары как по методологии историко-философского ремесла, так и по изучению отдельных классических текстов важнейших авторов. Например, исследовательская группа Копенгагенского университета (Дания) сосредоточивает свое внимание более на образовательных задачах, в том числе по созданию форума для исследователей и магистрантов, специализирующихся в этом направлении [30]. В университете Саутгемптона (Великобритания) существует группа именитых профессоров, сосредоточивших свое внимание на западно-европейской философской традиции, в особенности XIX–XX столетий (главным образом на исследованиях работ Канта, Шопенгауэра, Киркегора, Ницше и Хайдеггера) [31]. Важной особенностью такой коллективной работы является стремление расширить не только исследовательское поле (например, все чаще декларируется необходимость исследований в феминистском ключе), но и привлечь к сотрудничеству новых специалистов, для чего проводятся различные мероприятия преимущественно международного характера. Так, иберийское общество по изучению греческой философии (*Sociedade Ibérica de Filosofia Grega (SIFG)*, университет Лиссабона, Португалия) проводит международные конгрессы по греческой философии. В рамках этих конгрессов работают ставшие традиционными секции по философии досократиков, классической философии Платона и Аристотеля, философии эпохи эллинизма, неоплатонизма, а также различным вопросам, касающимся влияния и восприятия античной традиции [32]. Важно отметить, что к работе в таких мероприятиях привлекаются не только профессиональные философы, но и историки, филологи-классики и иные представители отраслей гуманитарного знания, что делает историко-философское исследовательское пространства по существу междисциплинарным.

Проблеме междисциплинарности истории философии (и в этом состоит еще один актуальный методологический аспект этой дисциплины) посвящены исследования основателя истории идей Артура Онкена Лавджоя. Наиболее интересным оказывается смещение внимания с исторического контекста, в котором формируются философские учения и влияющие на современников и потомков идеи, на исследование принципов, заключающихся в том, что А. Лавджой называет «элементарной идеей» (*unit-idea*) и влиянии, которое она оказывает на последующие периоды истории. Создатель истории идей полагал, что она станет самостоятельной междисциплинарной областью, и рассматривал свой проект, прежде всего в эпистемологической перспективе. Его знаменитая работа 1936 г. «Великая цепь бытия» [33], в которой осуществляется попытка проследить всемирно-исторический путь развития идеи принципа избытка, оказалась источником как вдохновения продолжателей поисков в новой области знания, так и существенной методологической критики. Так, исследователи обнаружили,

что свойственные философскому дискурсу XVII–XVIII столетий формы (которые Лавджой считал замкнутыми на свой собственный сугубый предмет изучения) были гораздо более междисциплинарными, нежели те, которые мыслили себе историки мысли XIX в. [34]. История идей, хотя и считается междисциплинарной областью знания, но вполне может существовать и без участия философии, получая ресурсы исключительно при помощи специальных наук, занимающихся исследованием фактов. В этом смысле эта дисциплина в большей степени может рассматриваться как доксографическая.

Примечательно, что историю философии часто предостерегали именно от тяготения к доксографии, описанию отдельно взятых мнений некогда живших мыслителей. Целый ряд современных авторов полагает, что никакой ценности, кроме образовательной, которая может быть оформлена в привычном *curricula* любого учебного заведения, у истории философии нет как раз на основании «случайного», «необязательного» характера получаемых в процессе историко-философского поиска знаний [35], [36]. Однако такое мнение не является господствующим. Такие историки философии, как М. Фреде [37] и Дж. Пассмор [38] считают, что у истории философии есть и иная, собственно философская ценность. Таких же взглядов придерживаются и сторонники так называемой «континентальной» традиции в философии, например, Пьер Адо [39]. Было бы интересно проследить возможность классификации таких взглядов на саму сущность историко-философского поиска, поскольку с этой точки зрения обнаруживается интересная коллизия между историей философии и собственно философией. Вместе с этим возникает и более широкий контекст, в рамках которого было бы интересно проследить специфику современных ответов на вопрос, что такое философия.

В целом же следует сказать, что современные дискуссии о проблемах историко-философского характера носят скорее методологический, нежели сущностно-дисциплинарный характер. Безусловно, можно говорить о приросте наших знаний по истории философии за счет открытий неизвестных архивных данных, оригинальных исследований, привлечении материала из области компаративистики и т. п. Важно иметь в виду, что история философии – это только одна из дисциплин (какой бы фундаментальный или комплексный характер она не обнаруживала) внутри философского знания, а следовательно, специфические свойства этого знания распространяются и на нее тоже. Время грандиозных философских систем, по-видимому, прошло, но это вовсе не означает, что занятия историей мысли свидетельствуют о скудности актуальных философских проектов. Скорее, следует говорить, что мысль стремится к рефлексии над собой, не чтобы вписать себя в однозначно очерченные рамки, но устремиться к перспективно обозначенным горизонтам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Christensen D. E. Philosophy and Its History // *The Review of Metaphysics*. 1964. Vol. 18, № 1. P. 58–83.
2. Mautner T. *Dictionary of Philosophy*. London: Penguin Books, 2000. 641 p.
3. Popkin R. H. Philosophy and the History of Philosophy // *The J. of Philosophy*. 1985. Vol. 82, № 11. P. 625–632.
4. Morgan M. L. The Goals and Methods of the History of Philosophy // *The Review of Metaphysics*. 1987. Vol. 40, № 4. P. 717–732.
5. Schmitz K. L. The History of Philosophy as Actual Philosophy // *The J. of Philosophy*. 1988. Vol. 85, № 11. P. 673–674.
6. Puntel L. B. The History of Philosophy in Contemporary Philosophy: The View from Germany // *Topoi*. 1991. № 10. P. 147–153.
7. Normore C. G. What Is To Be Done In The History of Philosophy // *Topoi*. 2006. № 25. P. 75–82.

8. Gueroult M. The History of Philosophy as a Philosophical Problem // *The Monist*. 1969. Vol. 53, № 4. P. 563–587.
9. Бофре Ж. Диалог с Хайдеггером. Кн. 1. Греческая философия / пер. с фр. В. Ю. Быстрова. СПб.: Владимир Даль, 2007. 256 с.
10. Celenza C. S. What Counted as Philosophy in the Italian Renaissance? The History of Philosophy, the History of Science, and Styles of Life // *Critical Inquiry*. 2013. Vol. 39, № 2. P. 368.
11. Catana L. The Concept «System of Philosophy»: The Case of Jacob Brucker's Historiography of Philosophy // *History and Theory*. 2005. Vol. 44, № 1. P. 367–401.
12. Longo M. A «Critical» History of Philosophy and the Early Enlightenment: Johann Jacob Brucker. In: *Models of the History of Philosophy* / eds. G. Piaia, G. Santinello. New York: Springer, 2011. P. 479–577.
13. Аристотель. Метафизика / пер. с др.-греч. А. В. Кубицкого. М.: Эксмо, 2006. 604 с.
14. Manasse E. M. The Philosophical Value of the History of Philosophy // *Philosophy and Phenomenological Research*. 1952. Vol. 12, № 4. P. 538–549.
15. Гегель Г. В. Ф. Лекции по истории философии. Т. 1 / пер. с нем. Б. Столпнера. СПб.: Наука, 2006. 256 с.
16. Masson-Oursel P. The History of Philosophy // *The Monist*. 1926. Vol. 36, № 3.
17. Masson-Oursel P. *La Philosophie Comparée*. Paris: Félix Alcan, 1931. 166 p.
18. Корнеев М. Я. У истоков концептуализации сравнительной философии: Поль Массон-Урсель // *Хайдеггер и восточная философия: поиски взаимодополнительности культур*. СПб., 2001. С. 279–285.
19. Raju R.T. *Introduction to comparative philosophy*. Lincoln, 1962. 364 p.
20. Колесников А. С. Философская компаративистика и диалог культур // *Россия и Грузия: диалог и родство культур: материалы Международного симпозиума, Тбилиси, 3–6 сент. 2003 г.* СПб., 2003. С. 185–205.
21. Корбен А. *История исламской философии*. М.: Прогресс-Традиции, 2010. 181 с.
22. Ayatullah Sayyid Muhammad Baqir As-Sadr. *Our Philosophy- Falsafatuna*. London, 1959. 267 p.
23. Элиаде М. *Аспекты мифа* / пер. с фр. В. П. Большакова. М.: Академ. проект, 2010. 251 с.
24. Фромм Э. *Вы будете как боги* / пер. с англ. Е. Рудневой и др. М.: АСТ, 2014. 413 с.
25. Эвола Ю. *Учение о пробуждении. Очерк буддийской аскезы* / пер. с итал. А. П. Шурбелева. СПб.: Владимир Даль, 2016. 412 с.
26. Хаксли О. *Вечная философия* / пер. с англ. Е. Д. Сыромятниковой. М.: РЕФЛ-бук Ваклер, 1997. 330 с.
27. Павловский Р. В. К вопросу об отношении Аристотеля к Платону: проблема знания // *Вестн. СПбГУ. Сер. «Философия и конфликтология»*. 2017. Т. 33, вып. 2. С. 207–216.
28. Taber J. *Transformative philosophy. A Study of Sankara, Fichte and Heidegger*. Honolulu: University of Hawaii Press, 1983. 190 p.
29. Nakamura H. *The Comparative History of Ideas*. Delhi: Motilal Banarsidass Publishers Private Limited, 1992. 325 p.
30. History of Philosophy Research Group, University of Copenhagen. URL: http://www.academia.edu/28617600/History_of_Philosophy_Research_Group_University_of_Copenhagen_fall_2016 (дата обращения: 15.06.2017).
31. Research Group: History of Philosophy. URL: https://www.southampton.ac.uk/philosophy/research/groups/history_of_philosophy.page#research_staff (дата обращения: 15.06.2017).
32. III International Congress of Greek Philosophy. URL: <http://www.uco.es/sifg/noticias/documentos/2015-09-07-iii-congreso-internacional-filosofia-griega-segunda-circular-en.pdf> (дата обращения: 15.06.2017).
33. Лавджой А. О. *Великая цепь бытия* / пер. с англ. В. Софронова-Антони. М.: Дом интеллектуал, 2001. 372 с.
34. Catana L. Lovejoy's Readings of Bruno: Or How Nineteenth-Century History of Philosophy Was «Transformed» into the History of Ideas // *J. of the History of Ideas*. 2010. Vol. 71, № 1. P. 91–112.
35. Mash R. How Important for Philosophers is the History of Philosophy? // *History and Theory*. 1987. Vol. 26, № 3. P. 287–299.
36. Yolton J. W. Is There a History of Philosophy? Some Difficulties and Suggestions // *Synthese*. 1986. Vol. 67, № 1. P. 3–21.

37. Frede M. The History of Philosophy as a Discipline // The J. of Philosophy. 1988. № 85. P. 666–672.

38. Passmore J. The Idea of a History of Philosophy // History and Theory. 1965. Vol. 5. P. 1–32.

39. Force P. The Teeth of Time: Pierre Hadot on Meaning and Misunderstanding in the History of Ideas // History and Theory. 2011. Vol. 50, № 1. P. 20–40.

A. A. Lvov

Saint Petersburg State University

THE METHODOLOGICAL SEARCH IN CONTEMPORARY HISTORY OF PHILOSOPHY

From the second half of the XX century history of philosophy has appeared in the very center of a number of vivid and vehement discussions of both methodological and disciplinary character. Scholars were primarily focused upon founding approaches to provide their field with the novel piece of knowledge. At the same time, historical studies in philosophy should have been demoted to the level of the sphere for specialists in case they fail to formulate such a research programme. The present paper considers the most illustrious projects in the field of history of philosophy in the past century. It also represents the results of analyses of various methodological approaches to rethinking the essence of historian of philosophy's craft, considering the latter as the philosopher, investigator, and scholar. We also discuss such significant historical as philosophical approaches as comparativistics, the history of ideas, doxography, that allowed eminent scholars and authors of the XX century to reconsider the value and importance of the history of philosophy as an independent field of investigation.

History of philosophy, methodology, contemporary philosophy, doxography, historical and philosophical discourse

УДК 101.1:316

Р. И. Мамина, С. И. Царева

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)

КОРПОРАТИВНАЯ КУЛЬТУРА В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ ДЕЛОВОЙ СРЕДЫ: ФИЛОСОФСКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

С позиций методологии философско-культурологического анализа рассматриваются специфика и принципы функционирования современной деловой среды и ее деловой культуры, важной составляющей которой является новая форма культуры организации - корпоративная культура. Корпоративная культура исследуется как современный социокультурный феномен, отражающий ведущие тенденции общественного развития в условиях глобальной экономики и цифровых технологий. В статье рассматривается система ценностных оснований, которая определяет корпоративную культуру и как культуру организации нового типа, и как новую форму деловой культуры, и как новый уровень менеджмента, основанный на выдвижении в качестве главного актива любой организации человеческий капитал. Особое внимание уделяется атрибутивной составляющей ценностного ядра корпоративной культуры организации в условиях цифровых реалий, которая выражается прежде всего в системе современного брендинга.

Корпоративная культура, деловая среда, деловая культура, деловая репутация, философско-культурологический анализ, социокультурное пространство, ценности, брендинг

В эпоху цифровых технологий и глобализации рынка экономика каждой отдельно взятой страны становится уже только частью, только составляющей единой мировой экономической системы. При этом партнерство расценивается специалистами как основной вид